

Николай Добролюбов

**Стихотворения Н. Я.
Прокоповича**

Николай Александрович Добролюбов

Стихотворения Н. Я. Прокоповича

Н. Я. Прокопович (1810–1857) – близкий друг Гоголя, преподаватель русского языка и словесности, выступал и как поэт. О его поэзии весьма резко отозвался Белинский. Стихотворная повесть Прокоповича «Своя семья» им оценена как «уродливая и грязная карикатура на поэзию». В рецензии Добролюбова, по форме более снисходительной, также сохраняется отрицательная оценка поэтических произведений Прокоповича.

Содержание

#1	0005
Примечания	0015

**Николай Александрович
Добролюбов
Стихотворения Н. Я.
Прокоповича**

Издание И. В. Гербеля. СПб., 1858

Что такое Прокопович и по какому случаю г. Гербель издает его стихотворения, это ясно из статьи г. Гербеля: «Н. Я. Прокопович и его отношения к Гоголю», напечатанной в виде предисловия к книжке стихотворений Прокоповича. Статья эта была предварительно помещена в февральской книжке «Современника» нынешнего года, и потому мы не считаем нужным делать теперь из нее какие-нибудь извлечения. Заметим только, что напрасно г. Гербель, приводя на стр. 45 слова г. Анненкова из его воспоминаний о Гоголе, [1] не сохранил указаний на них, какие были сделаны в статье его прежде, при напечатании в «Современнике». Мы, конечно, не станем обвинять г. Гербеля в намерении присвоить себе красноречие г. Анненкова, но ведь бывают всякие люди. Недавно, например, некто г. Семевский в брошюре о Великих Луках[2] нарочно уклонился от своего прямого предмета, чтобы доказать, что некоторые страницы «Писем с похода» г. Гербеля буквально взяты из плюшаровского «Энциклопедического лексикона», без всякого на то указания. Г-н Семевский язвительно называет

это «замечательным фактом литературного заимствования». По нашему мнению, впрочем, тут ничего замечательного нет: дело очень обыкновенное...

Что касается до Прокоповича, то ему нельзя, конечно, отказать в некотором таланте. Может быть, что талант его и развился бы при более благоприятных обстоятельствах; может быть, он произвел бы что-нибудь действительно замечательное. Но мало ли что *может быть*, и мало ли можно найти на свете людей, которые могли бы сделать что-нибудь хорошее, если бы обстоятельства более благоприятствовали их развитию и деятельности. Не говоря о том, что *могло бы быть*, а обращаясь к тому, что есть, можем заметить, что дарование Прокоповича осталось чисто внешним. Он способен придумать складный рассказец, передать его плавными стихами, вставить кое-где недурные описания; но более мы ничего не находим в нем. Гоголь с участием говорил о его даровании и настоятельно побуждал его к литературной деятельности. Он говорил о Прокоповиче: «Изо всех тех, которые воспитывались со мною, у него рань-

ше, чем у всех других, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива, все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило в нем плодovitейшего романиста...»[3]

«Не могло не быть таланта, и таланта замечательного, в человеке, о котором так отзывался Гоголь», – восклицает г. Гербель. Но мы в этом случае не можем с ним согласиться. Мало ли о ком хорошо отзывался Гоголь, особенно во время своего смиренного перерождения. (Письмо о Прокоповиче писано в 1846 году.) Довольно вспомнить, что он писал по поводу «Землетрясения» Языкова,[4] чтобы не слишком полагаться на хвалы, которые он расточал в это время своим друзьям. А отзыв о Прокоповиче и нельзя еще считать особенно хвалебным. Что Прокопович непринужденно-обилен, что речь идет у него легко, – это и мы считаем вполне справедливым; но этого еще мало для того, чтобы иметь замечательный талант.

Точно так же не вполне основательным кажется нам то, что говорит г. Гербель насчет

направления Прокоповича. «Глубоко уважая Прокоповича как человека, – говорит он, – я всегда сочувствовал благородному направлению его произведений, из которых многие нравились мне и не за одно направление, обнаруживая в поэте несомненное присутствие если не сильного таланта, то по крайней мере искры божией, которая дается не многим». Произведения Прокоповича теперь все у нас пред глазами, и мы никак не можем добиться, как ухитрился г. Гербель найти какое бы то ни было направление в его стихотворениях. Мы напрасно искали его по указанию г. Гербеля; результат наших поисков был тот, что гладенькие рассказцы Прокоповича, имея иногда недурную мысль, все-таки не обнаруживают его направления, а мелкие стихотворения часто даже и мысли определенной не имеют. Резко обозначенное направление проявляется только в одном стихотворении Прокоповича: «Тени Пушкина», написанном им в 1855 году. Но по этому стихотворению нельзя судить о всей литературной деятельности Прокоповича, которой лучшее время заключается между 1830 и 1840 годами. В произве-

дениях же, которые писаны в ту эпоху, не заметно никакого направления, если не угодно г. Гербелю называть направлением склонность Прокоповича к фантастическому. Склонность эта действительно сильна в Прокоповиче: из 14 стихотворений, напечатанных ныне г. Гербелем, 4 баллады и 4 сказки основаны, разумеется, на духах и привидениях, остальные 6 также выражают склонность к мечтательности, если исключить из них стихотворение «Тени Пушкина», которое имеет не столь отвлеченный характер, хотя и посвящено тени Пушкина. А что за характер, например, в следующем стихотворении:

ПОЛНОЧЬ

*Час глубокого молчанья, —
Мертвый час, полночный час!
Что стеснилось так дыханье,
Голос замер, взор угас?
Нить прервалась размышленья,
Кровь застыла, ум во тьме,
И толпою привиденья
Что-то в уши шепчут мне.
Боже! то былая повесть, —
То, проснувшись в первый раз,
Налегла на душу совесть*

В мертвый час, в полночный час.

Неужели и в этих стихах г. Гербель видит какое-то благородное направление? Мы, признаемся, ничего тут не видим, кроме привидений, без которых Прокопович никак не мог обойтись.

Мы заметили выше, что в рассказах Прокоповича есть иногда недурная мысль. В этом отношении нам понравились, между прочим, две первые баллады его: «Полнолуние» и «Своя семья». В первом приходит к колдунье девушка, которая рассказывает, что ее с малых лет все притесняли и мучили, как круглую сироту, заставляли работать выше сил и не давали даже хлеба, но что вдруг взял ее к себе какой-то старичок и начал ласкать и рядить, как знатную барыню. «Третий год уж я живу с ним, – говорит девушка, – но мне с ним тошно, потому что я полюбила другого». Затем она просит колдунью, чтобы та *отворотила* любовь старичка:

*Пусть прогонит, пусть разлюбит,
Возвратит мой старый быт,
Не целует, не голубит...*

*Он меня тем оживит.
Сердце просит воли, воли,
Сердце просится любить,
Вольным воздухом пожить!
Не забывши хлеба-соли,
Старику я всей душой
Рада службу несть рабой.*

Колдунья, разумеется, дает ей наговорную воду, от которой через четыре месяца старик умирает. Девушка в отчаянии, и пред его гробом

*На пол падает она,
Бездыханна и бледна;
Мертвая или живая, —
Пусть, как хочет, разберет
К ней сбежавшийся народ.*

В «Своей семье» рассказывается, как сестра извела жену своего брата, обидясь тем, что не получила подарка на свадьбе. Тут помогает ей даже не колдунья, а простая знахарка. Она говорит:

*Вмиг тебя я научу:
Ты купи, моя родная,
Воску ярого свечу
И ее перед святыми*

*Нижним вверх поставь концом;
Да затепливши потом,
Ты с поклонами земными
Три молитвы соверши
За покой ее души.*

На этом народном суеверии основана вся баллада. Страдания больной, с которой делается тоска и неистовые конвульсии от наговора зловки, рассказаны очень живо,

Вообще у Прокоповича есть несколько описаний очень ловких и живых. В образец подобных описаний мы приведем здесь из сказки о «Садке богатом» очень забавное изображение пляски сказочного царя морского, к которому Садко попал под воду. Вошедши к нему в избу, Садко видит —

*Видит – царь морской на печке,
Завалившись в уголок,
Вздернул ноги в потолок;
И, покорны как овечки,
Два леща да щуки две
Ищут в царской голове.
А меж тем другая рыба,
Очищая шелуху,
Ради царского «спасибо»
Лезет в царскую уху.*

Увидавши Садко, царь морской заставляет
его играть на гуслях:

*Гость Садко царю играет;
Царь морской не утерпел:
В зубы бороду хватает
И вприсядку полетел.
Час, другой прошел, – он пляшет,
Головой, руками машет;
Ухватившись под бочок,
Царь кружится, как волчок;
То притопнет гуслям в лад,
То попятится назад,
На одной вертится ножке
И, отряхивая пот,
От веселья инда ржет.
К ночи царь угомонился,
Гостя пьяным напоил,
Сам на печку завалился,
Да и гостя уложил.
Сном заснув давно желанным,
Видит – с ликом осиянным
Некий муж к нему предстал,
Гласом кротким провещал:
«Рви ты струны золотые,
Гусли звонкие бросай
И царя не потешай:
Пляской бездны водяные
Царь морской расколыхал,*

*Быстры реки взволновал.
Кораблям в морях проходу
От потехи царской нет,
Много божьего народу
Он на тот отправил свет».
Гость Садко тотчас проснулся,
Сновиденью ужаснулся,
Гусли звонкие схватил
Да и об угол разбил.*

Это описание может показать читателям, что Прокопович действительно отличался обилием и легкостью своей речи. Исключая нескольких тривиальных выражений, нельзя также не похвалить вообще и стиха его, хотя нужно сознаться, что «замечательного» таланта не видно ни в одном из изданных ныне стихотворений Прокоповича. Но как бы то ни было, издание г. Гербелем стихотворений Прокоповича полезно уже и потому, что отвлекает г. Гербеля от собственных его отголосков, которые он издавал, бывало, «упившись эфиром в надзвездном сияньи».[5]

Примечания

Условные сокращения

Аничков – Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. Е. В. Аничкова, тт. I–IX, СПб., изд-во «Деятель», 1911–1912.

Белинский – В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I–XIII, М., изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах тт. I–XXV, М., изд-во Академии наук СССР, 1954–1961 (издание продолжается).

ГИХЛ – Н. А. Добролюбов Полное собрание сочинений в шести томах. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского, М., ГИХЛ. 1934–1941.

Гоголь – Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I–XIV, М., изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.

ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Изд. 1862 г. – Н. А. Добролюбов. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), тт. I–IV, СПб., 1862.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Лемке – Н. А. Добролюбов. Первое полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, тт. I–IV, СПб., изд-во А. С. Панафидиной, 1911 (на обл. – 1912).

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах (Н. Г. Чернышевским), т. I, М., 1890.

Писарев – Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах, тт. 1–4, М., Гослитиздат, 1955–1956.

«*Совр.*» – «Современник».

Указатель – В. Боград. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания. М. – Л., Гослитиздат, 1959,

ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I–XVI, М., ГИХЛ, 1939–1953.

Впервые – «Совр.», 1858, № 6, отд. II, стр. 182–187, без подписи. Авторство устанавливается на основании указания Добролюбова в

письме к А. П. Златовратскому от 7 июля 1858 года: «Прочти последовательно и внимательно всю критику и библиографию нынешнего года, всю написанную мною (исключая статьи Костомарова в первой книжке)... да библиографию прошлого года с сентября, в «Современнике», – там тоже почти все писано мною, исключая трех или четырех рецензий, которые не трудно отличить».

Н. Я. Прокопович (1810–1857) – близкий друг Гоголя, преподаватель русского языка и словесности, выступал и как поэт. О его поэзии весьма резко отозвался Белинский. Стихотворная повесть Прокоповича «Своя семья» им оценена как «уродливая и грязная карикатура на поэзию» (Белинский, II, стр. 49). В рецензии Добролюбова, по форме более снисходительной, также сохраняется отрицательная оценка поэтических произведений Прокоповича.

Примечания

Имеются в виду воспоминания П. В. Анненкова «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года», впервые опубликованные в «Библиотеке для чтения», 1857, №№ 2 и 11.

[^^^]

Речь идет о брошюре М. И. Семевского «Великие Луки и Великолуцкий уезд», СПб., 1857; в брошюре, в частности, указывается, что начало «Писем с похода» Н. Гербеля («С.-Петербургские ведомости», 1854, № 244) заимствовано из статьи И. Соколова в «Энциклопедическом словаре» А. Плюшара, изданном в 1835–1841 гг. О брошюре М. И. Семевского см. рецензию Добролюбова в т. 2 наст. изд.

[^^^]

Приведенный отзыв дается в статье Гоголя «О «Современнике»», посланной П. А. Плетневу с письмом от 4 декабря 1846 года (см.: Гоголь, VIII, стр. 426).

[^^^]

Имеется в виду восторженный отзыв об этом религиозно-моралистическом стихотворении Языкова в «Выбранных местах из переписки с друзьями» – «Предметы для лирического поэта в нынешнее время (Два письма к Н. М. Языкову)» (см.: Гоголь, VIII, стр. 278–279). В рецензии на «Стихотворения Н. М. Языкова», написанной несколькими месяцами раньше, Добролюбов о «Землетрясении» говорил, что в нем выразилось «бессилие Языкова перед серьезными вопросами и идеями» (см. т. 2 наст. изд.).

[^^^]

Намек на издание: Н. Гербель. Отголоски (Переводные и оригинальные стихотворения), СПб., 1858 (см. рецензию Добролюбова на эту книгу в т. 2 наст. изд.). В качестве цитаты дан сатирический перифраз из стихотворения Гербеля «Бокал», помещенного в «Отголосках». Ср. у Гербеля:

Душа утопает в волшебном сияньи,
Стремится в неведомый мир,
И там, за хаосом, среди мирозданья,
Впивает надзвездный эфир.

[^^^]